

ВРЕЗАНО В КАМЕНЬ, ВРЕЗАНО В ПАМЯТЬ (ВОС)ПРОИЗВОДСТВО СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВАХ СМЕРТИ

Статья посвящена рассмотрению советских «пространств смерти» – кладбищ и крематориев – как территорий, на которых параллельно с «пространствами жизни» складывались и отражались процессы формирования и гибридизации советских идентичностей, их состязания с конкурирующими идентичностями. «Смертные» пространства рассматриваются как дискурсивные, «говорящие», характеризующие советскую культуру и советское общество, его социальные проекты и представления о социальной структуре и иерархии.

Ключевые слова: советская культура, идентичность, гибридная идентичность, история смерти, погребальная культура.

Советская субъективность в последние пару десятилетий являлась предметом пристального внимания и споров исследователей¹. В частности, особое внимание привлекала проблема дискурсивного насилия государства и степень его воздействия на складывание советской идентичности, а также практики сопротивления этому насилию, включая формирование гибридных идентичностей. Последние осваивали и присваивали советский официальный дискурс, адаптировали его в соответствии с собственными нуждами и представлениями. Эта игра дискурсов в производстве и длительном воспроизводстве советских идентичностей зримо охватывала практически все сферы жизни советского общества. Не обойдено этими процессами было и пространство смерти, визуально и вербально активно в них участвовавшее². Тем более что в первое десятилетие советскую культуру отличала особенно явная танатологическая интенция, отсутствие четкой разграниченности пространств жизни и смерти, десаκραлизация последней и бесцеремонное вторжение в ее пространства³. И это вторжение было вполне объяснимо: смерть и практики, связанные с нею, являлись важными инструментами властвования. Жан Бодрийяр весьма точно отметил специфику восприятия смерти революционной мыслью и ее использования революционной властью. Он подчеркнул, что право контролировать жизнь и смерть, разделять на живых и

¹ Хеллбек 1997. С. 195-207; Halfin 2000; Hellbeck 2006; см. также большую дискуссию: Анализ практик субъективизации... 2002; и др.

² Настоящая статья представляет собой часть монографии, которая готовится в рамках проекта «Красный Танатос: История и культура смерти в Советской России (1917–1991)», поддержанного Фондом Фрица Тиссена, ФРГ (Fritz Thyssen Stiftung, Projekt “Der rote Thanatos: Geschichte und Kultur des Todes in Sowjetrußland (1917–1991)” / Az.20.15.0.045).

³ См. об этом: Malyševa 2015.

мертвых, манипулировать смертью составляет основу любой власти – «здесь, на этой заставе смерти, и образуется власть»⁴.

Не вполне соглашаясь с определением Мишелем Фуко кладбищ, как мест отграничения, изолирования, Карл Шлегель справедливо заметил, что они, скорее, являются местами сосуществования живых и мертвых, взаимосвязи между «городами мертвых» и городами живых весьма тесны и интенсивны⁵. Действительно, мало что так явственно отражает структуру, иерархии, ценности и вкусы того или иного общества и времени и их изменения, как некрополи, их «привилегированные» и «заброшенные» участки, разнообразие памятников и надписей и изображений на них. С детства, навещая с родителями могилы родных на Новотатарском кладбище Казани, где, фактически, «лежит весь XX век», я с любопытством взирала на такие разные памятники советских десятилетий. Полумесяцы здесь мирно уживаются с красными звездами и светскими знаками профессий, старотатарская вязь – с латиницей и кириллицей, строгие типовые надгробия – с причудливыми индивидуальными памятниками. Несмотря на эту идиллию, памятники стоят тесно, отводя место у соседа, налезая друг на друга разномастными оградами и оградками. Невольно вздыхаешь и понимаешь: как живем, там и лежим. Эта связь живых и мертвых, воспроизведение мира живых и экстраполяция его отношений на «город мертвых» (а в какой-то мере – и выстраивание «правильных» иерархий в мире живых) были заново переосмыслены и актуализированы большевиками в 1920–1930-х гг.

Выстраивание советской идентичности, создание «нового человека», к чему так страстно стремилась советская культура и ее творцы в 1920-е гг., имело вполне прозрачные параллели и в пространствах смерти – на кладбищах и в единственном на протяжении десятилетий до начала 1970-х гг. постоянно действовавшем крематории Советской России – Московском крематории (1927). Разбивка территорий на участки и аллеи, распределение мест, формы памятников и надгробий и изображения и надписи на них, «похоронная атрибутика» и ритуалы – в небольшой степени отражали артикулируемые и неартикулируемые властным дискурсом идеи и проекты конструирования общества живых и процессы рецепции, адаптации или отторжения их гражданами.

1. Равенство и коммунальное общежитие «за заставой смерти»

Одна из первых в этом ряду идей, или, скорее, иллюзий, была идея освобождения революцией от неравенства, от разделения на бедных и богатых, знатных и незнатных. Ничто так ярко не символизировало это неравенство, как публичное «последнее путешествие», в которое одни отправлялись «по первому разряду», и пышные похороны заканчивались

⁴ Бодрийяр 2011. С. 239.

⁵ Schloegel 2005. S. 254-255.

упокоением в почетном месте – у церкви, а другие – большинство – отправлялись в дальний угол кладбища, где хоронили неизвестных и нищих.

В дореволюционной кладбищенской практике существовало разделение захоронений и мест на кладбище на разряды по экономическому и социально-классовому принципу – от первого, высшего, до низшего, седьмого (правда, с начала 1870-х гг. разрядов обозначалось пять). Положением 1841 г. «О погребении усопших и о вкладах и приношениях за оные» были расписаны эти разряды, причем, могила первого разряда – рядом с церковью – обходилась в 250 рублей. Цены со временем корректировались. Так, к 1905 г. за погребение усопших в Петербурге в церкви или под церковью (первый разряд) платили 200 руб., в паперти или под папертью (второй разряд) – 150 руб., в близости к церкви (третий разряд) – 30 руб., за место по четвертому разряду – 20 руб., по пятому разряду – 5 руб., по шестому разряду – 50 коп., а по седьмому разряду – на самых дальних и неудобных участках, – хоронили бесплатно⁶.

Интересно, что, видимо, именно это отмененное ранжирование дореволюционных похорон было высмеяно Ильфом и Петровым в «Двенадцати стульях» (1928) устами гробовых дел мастера Безенчука в его своеобразной классификации смертей: «Преставилась, значит, старушка... Старушки, они всегда преставляются... Или богу душу отдают, – это смотря какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, – значит, преставилась. А, например, которая покрупнее да похудее – та, считается, богу душу отдает... <...> Вот вы, например, мужчина видный, возвышенного роста, хотя и худой. Вы, считается, ежели, не дай бог, помрете, что в ящик сыграли. А который человек торговый, бывшей купеческой гильдии, тот, значит, приказал долго жить. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: перекинулся или ноги протянул. Но самые могучие когда помирают, железнодорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают. Так про них и говорят: “А наш-то, слышали, дуба дал”. <...> Я – человек маленький. Скажут: “гигнулся Безенчук”. А больше ничего не скажут. <...> Мне дуба дать или сыграть в ящик невозможно: у меня комплекция мелкая...»⁷. Сознательно или нет, но «разрядов» смертей по воле авторов Безенчук озвучил тоже семь: «дать дуба» (начальство, могучие люди), «сыграть в ящик» (видные люди), «приказать долго жить» (купцы и торговые люди), «отдать богу душу» (крупные и худые старушки), «преставиться» (маленькие и упитанные старушки), «перекинуться» и «ноги протянуть» (простые люди, крестьяне). В ироничной классификации прозрачно обозначена социальная иерархия, сохраняемая и в смерти.

Революция, провозгласившая поначалу всеобщее равенство и социальную справедливость, не упустила и вопрос об искоренении кладби-

⁶ В-ский 1905. Дается по: Роднов 2015. С. 6.

⁷ Ильф, Петров 1990. С. 19.

щенского неравноправия: территория революции распространялась и за «заставу смерти». Как известно, в 1918 г. социальное страхование было заменено социальным обеспечением – «бесплатным» социальным страхованием трудящихся. Уже декабрьским декретом 1918 г. большевиками было провозглашено общее равенство всех перед лицом смерти или, во всяком случае, перед рутинной кладбищенского захоронения («для всех граждан устанавливаются одинаковые похороны»), и отменено деление на разряды как мест захоронения, так и самих похорон⁸. Была отменена оплата мест на кладбище, а погребение объявлено бесплатным: оно осуществлялось отделами социального обеспечения, либо на погребение трудящимся, социально призываемым, неимущим выдавали пособие (за счет средств предприятий, предпринимателей, бюджета). Нетрудящиеся граждане, впрочем, должны были хоронить близких за свой счет⁹. Последнее обстоятельство уже ставило под сомнение идею равенства похорон: принцип бесплатности работал, оказывается, не для всех. В этом расхождении уже был элемент классовой дискриминации, «позитивной» дискриминации – в отношении «бывших» классов и групп. Помимо общих тягот, связанных с получением многочисленных справок и разрешения на погребение и стоянием в бесконечных очередях, похороны стоили им немалых денег: так, по свидетельству современника, терявшего на протяжении ряда лет близких, в ноябре 1919 г. похороны обошлись ему в 30 тыс. руб., в декабре 1921 г. – с учетом инфляции, уже в 5 млн. руб., в марте 1922 г. – в 33 млн. (фунт хлеба стоил тогда 60 тыс. руб.)¹⁰.

Однако эгалитарный порыв оказался не только непоследовательным, но и весьма недолгим. Во времена нэпа вернулись к системе социального страхования и выплаты за счет государства заменили выплатами из фондов, сформированных за счет страховых взносов. Декрет СНК РСФСР от 15 ноября 1921 г. отменил статьи Декрета СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся» о пособиях на погребение. Пособие, таким образом, зависело от страховых взносов, а похороны вновь стали платными и за место на кладбище снова нужно было платить (взимать плату за место было запрещено лишь в 1929 г.¹¹). В начале 1922 г. в Москве ввели плату за погребение умерших: «богатые» похороны обходились в 10 млн. руб., «средние» – в 2,5 млн., а «бедные» – в 845 тыс. руб., т.е. самые дешевые похороны были практически эквивалентны месячному заработку рабочего¹². С официальной отменой принципа бесплатности погребения, вновь произошло «расслоение» среди покойников по весьма банальному критерию – по финансовой состоятельности их близких. От нее нередко

⁸ Декрет СНК от 7 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах»... С. 163-164.

⁹ См.: Декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. Ст. 31, 32, 33, 36.

¹⁰ См.: Merridale 2001. S. 182.

¹¹ Правила № 198/Б/197/мв Народного комиссариата внутренних дел...

¹² Борисова 2006. С. 168.

зависел выбор – хоронить ли умершего в индивидуальной могиле, но дорого, или в общей, но дешево, где и какой покупать гроб (вспомним того же Безенчука, соблазнявшего Ипполита Матвеевича Воробьянинова на покупку для умершей тещи дубового гроба, с кистями и глазетом – «у меня гроб – огурчик, отборный, любительский»).

Повседневность кладбищ 1920-х гг., их рутина в некоторой степени отражали и раннесоветские проекты «коммунизации» жизни живых. В этом проявлялась «компенсаторная» функция советского кладбища тех лет – в том значении, о котором писал М. Фуко: гетеротопия кладбища являла собой «другое» реальное пространство, более «правильное» и упорядоченное, чем реальное пространство живых¹³. Ведь неудавшиеся среди живых кратковременные эгалитарные утопические проекты как бы «осуществлялись» здесь по отношению к мертвым. Так, одной из черт этой повседневности были так называемые «общие» могилы, ставшие памятниками не только тем, кто волею судеб оказался в них похоронен, но и тенденциям предельного «обобществления» жизни и всего и вся, нашедшим отражение в недолговременной истории жилищных «коммун». В 1920-е гг. рапортами об «израсходовании», т.е. о заполнении «общих» могил полны кладбищенские отчеты. Так, на казанских Арском и Архангельском кладбищах в 1920-х гг. помимо т.н. «отдельных» могил – «больших», «средних» и «малых» (отличавшихся глубиной – соответственно, 3, 2,5 и 2 аршина¹⁴) покойных хоронили также в «общих» могилах – на 15, 10 и 5 (потом – 3) человек¹⁵. В этой практике мирного времени, навевающей мысли не только о воинских «братских» могилах периода Первой мировой войны или о «братских могилах борцов за революцию» на Марсовом поле в Петрограде и у Кремлевской стены в Москве, но и о европейских общих могилах для бедняков, разумеется, присутствовали не столько романтические представления о всеобщем «коммунистическом общежитии» (в том числе и за «заставой смерти»), сколько практические соображения: похороны в общей могиле обходились намного дешевле. Галопирующая инфляция ежемесячно увеличивала цены, однако их соотношение оставалось примерно одинаковым: например, согласно официальным расценкам, в Казани место в одну квадратную сажень обходилось родственникам покойного в декабре 1922 г. в 1500 руб., плюс рытье «большой» могилы – 800 руб., «средней» – 550 руб., «малой» – 400 руб., в то время как похороны в общей могиле обходились в 600 руб. на взрослого и 300 руб. на ребенка¹⁶. После денежной реформы соотношение примерно сохранялось: в ноябре 1925 – июле 1926 гг. место в одну квадратную сажень стоило от 2 до 4 руб., рытье от-

¹³ Фуко 2006. С. 203.

¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-1130. Оп. 1. Д. 333. Л. 42.

¹⁵ НАРТ. Ф. Р-1803. Оп. 1. Д. 235. Лл. 7, 154, и др.

¹⁶ НАРТ. Ф. Р-1803. Оп. 1. Д. 235. Лл. 30, 35.

дельной «большой» могилы – 5 руб., «средней» – 3 руб., «малой» – 2 руб. 50 коп., в то время как погребение в общей могиле обходилось в 60 коп. – 1 руб. 20 коп.¹⁷ Разумеется, родственники умершего при малейшей возможности предпочитали похоронить его в «отдельной» могиле. Однако находившиеся на иждивении органов социального обеспечения или других государственных и общественных учреждений (больницы, детские дома, эшелоны беженцев и пр.), хоронились за их счет, нередко «в кредит», и чаще всего это были похороны самые дешевые, в общей могиле.

Другим способом «оптимизировать», удешевить похороны были случаи предоставления гробов «на прокат» с последующим их возвращением и использованием для следующих погребений. 22 февраля 1923 г. начальник Управления Закавказской железной дороги издал приказ «Об изготовлении гробов»: «Ввиду кризиса в лесном материале и большой стоимости гробов, изготавливаемых в мастерских ПЧ и ТЧ¹⁸ для умерших работников транспорта и членов их семейств, в отмену приказов по дорогам № 573 и 127, объявленных в бюллетенях Управления Зак. жел. дорог 1922 г. № 3/29 и 9/35, предлагается всем ПЧ изготовить для общего пользования и хранить при кладовой участка по одному просмоленному гробу, каковой и предоставлять для похорон умерших железнодорожников и членов их семейств. После каждого пользования гроб должен быть продезинфицирован...»¹⁹. Содержание приказа было приведено на совещании ЦК партии большевиков. Практика «многоразового» использования гроба привела в смущение даже партийных функционеров, которые справедливо полагали, что такие приказы возбуждают недовольство рабочих.

Идея «коммунизации» последних приютов покойников подпитывалась не только финансовыми, но и иными материальными проблемами, например, нехваткой свободных участков на столичных кладбищах. По данным, приведенным санитарным врачом В. Федынским, на имевшихся свободных участках восьми московских кладбищ, находившихся в ведении похоронного отдела Московского коммунхоза (МКХ)²⁰ за два года (с октября 1923 по октябрь 1925 г.) было похоронено умерших в три раза больше, чем полагалось по санитарным нормам (48582 вместо 16200). Погребения в общих могилах тоже были своеобразным «выходом» из кризиса. Федынский сокрушался, что на старых участках московских кладбищ покойников хоронили в братских могилах лентой, а иногда в два ряда по вертикали. Он свидетельствовал, что из 24304 умерших, погребенных с 1 октября 1923 по 1 октября 1924 г. только похоронным отделом МКХ, 4818 были погребены в братских могилах, причем, на некото-

¹⁷ НАРТ. Ф. Р-1130. Оп. 1. Д. 333. Лл. 47-198.

¹⁸ ПЧ – аббревиатура для кода «путевая часть», ТЧ – «тяговая часть».

¹⁹ См.: Тайны национальной политики ЦК РКП... 1992. С. 149.

²⁰ Из 32 московских кладбищ 14 были переданы общинам верующих, остальные находились в ведении МКХ, но десять из них являлись монастырскими, и там захоронения были единичными.

рых кладбищах (Пятницкое и Семеновское) на общие могилы приходилось более трети всех захоронений²¹. Та же ситуация с общими могилами складывалась и на провинциальных кладбищах. На упомянутом казанском Арском кладбище в разные месяцы декабря 1922 – ноября 1925 гг. захоронения в общих могилах составляли от 38 до 68 %²². Практика захоронений в общих могилах была запрещена только в июне 1929 г. Правилами НКВД и НКЗдрава «Об устройстве кладбищ и порядке погребения»²³. Несмотря на оговорку (кроме исключительных случаев – «моментов народных бедствий»), «братские» могилы стали не только приметой суровой военной повседневности фронтов Великой Отечественной, блокадного Ленинграда, но и страшной реалией быта заключенных лагерей «Архипелага ГУЛАГ». Санитарные правила устройства и содержания кладбищ, публиковавшиеся в последующие десятилетия советской власти (1948, 1960, 1977), неизменно подтверждали эту оговорку об «исключительности» случаев устройства братских могил и оговаривали условия этого устройства: согласование с органами государственного санитарного надзора, расстояние в полметра между гробами по горизонтали и по вертикали, «шахматный» порядок размещения гробов по вертикали, глубина братской могилы не менее 2,5 м и пр.²⁴

Идее создания «нового человека» – советского атеиста и коллективиста, не приемлющего сентиментальность и трепетность по отношению к «территории смерти» и последнему упокоению, цинично и деловито относящегося к «оптимизации» расходов на погребение, – призвана была способствовать пропаганда кремации. Направленная не только на решение узкопрактических задач, эта пропаганда должна была стать важным инструментом секуляризации повседневности и ее важного сегмента, связанного со смертью, создания «нового быта», привития населению утилитарно-прагматического взгляда на все стороны человеческой жизни, включая смерть. Ультрарадикальные настроения были озвучены членом ЦК партии большевиков М.С. Ольминским в июле 1924 г., высказавшимся за «осмысленное использование» своего тела после смерти – транспортировку его без всякого ритуала на фабрику для извлечения жира для технических нужд и изготовления удобрений²⁵. Популяризируя «прогрессивный», «экономичный» способ погребения, сторонники кремации не останавливались перед предельной десакрализацией смерти, нормализуя и тиражируя описания разложения, предлагая для иметь на кладбищах «особые витрины с фотографическими снимками, показывающими процессы разложения трупов с поедающими их насекомыми...»²⁶. А анкети-

²¹ Федынский 1926. С. 24.

²² Подсчеты автора. См.: НАРТ. Ф. Р-1130. Оп. 1. Д. 333. Л. 47.

²³ № 198/Б/197/мв Народного комиссариата внутренних дел... С. 459-460.

²⁴ Санитарные правила устройства и содержания кладбищ... (1960; 1977).

²⁵ См.: Merridale. 2001. S. 196-197.

²⁶ Лавров 1927. С. 6.

руемые журналом «Коммунальное хозяйство» советские функционеры-хозяйственники подбадривали «нового советского человека» в этом утилитаристском начинании: «Рабочим, коммунистам, коммунистически настроенной молодежи и дух коммунизма впитывающим пионерам плевать с высокого дерева на то, где он будет: тухнуть в земле или гореть в огне <...> А загорится авангард – поджариваться пойдут и другие». Ведь эта десакрализация, равнодушный утилитаризм призваны были сыграть важную роль в отрицании прежних идентичностей и связей и в создании новых, она стала бы «огромным шагом к разрыву существующих связей живых людей с умершими и ислевающими в земле»²⁷.

Однако граждане в массе своей не особенно стремились «предаться огненному погребению». Несмотря на строительство и торжественное открытие в 1927 г. Московского крематория и создание «Общества развития и распространения идей кремации в СССР», основную массу «клиентов» крематория составляли «административные», т.е. мертворожденные младенцы, тела после судебно-медицинского вскрытия, «безродные» и т.д. Процент т.н. «добровольных» кремаций, т.е. кремаций по завещанию или избранных родственниками в качестве способа захоронения, был весьма скромным: в 1928 г. он был выбран близкими лишь 4,3% всех умерших, в 1929 г. – 5,8%, в 1930 г. – 7,8%, в 1931 г. – 7,6%²⁸.

Советское равенство в смерти в коллективистской интерпретации раннесоветских «харонов», таким образом, нередко оказывалось сопряжено с деиндивидуализацией захоронения и его обладателя, с десакрализацией смерти. Как бы то ни было, граждане Советской России в массе своей оказались не готовы пожертвовать индивидуальностью – собственной и своих близких – на последнем пороге жизни и сакральностью этого момента, и всячески при малейшей возможности отстаивали право на достойное персональное захоронение и его маркирование.

В то же время идея «равенства в смерти», изначально обреченная уже в тезисе декабрьского Декрета 1918 г. о платности похорон для «нетрудящихся», никак не сочеталась, даже соперничала с идеей классовой борьбы. Советское общество должно было стать не обществом равенства, а четко и жестко иерархизированным обществом. И практики, связанные со смертью, должны были сыграть свою роль в конструировании этих иерархий и выстраивании советской идентичности.

2. Складывание новых иерархий на «территории смерти»

Сворачивание нэпа и частных похоронных контор знаменовало обретение кладбищами и кладбищенским делом важной функции в советском обществе (помимо их непосредственной функции, и также следовавшей из отчетных документов 1930-х гг. экономической «народно-хозяйственной» функции): они должны были внести свой вклад в дело

²⁷ Наша анкета о кремации... 1927. С. 34, 26.

²⁸ Данные по: Бартель 1929. С. 34; 1932. С. 60.

новой иерархизации общества и сотворения советской социальности. Идея равенства теперь просматривалась весьма смутно – разве что в четко определенных параметрах «советской могилы». Правила 1929 г. четко регламентировали размеры (длина не менее 2 м, ширина не менее 1 м), площадь (4 кв. м, а по санитарным правилам, начиная с 1948 г., – 5 кв. м для взрослого, 2 кв. м для ребенка до 10 лет), глубину (не менее 1,5 м) могил и расстояния между ними – не менее 1 м (как тут не вспомнить о регламентации жилплощади в советских городах!). Причем, в течение десятилетия размер «советской могилы» не изменялся.

«Классовый подход» и социальные предпочтения демонстрировались теперь не только в отношении живых, но и мертвых. В 1927 г., еще до открытия Московского крематория, авторы одной из публикаций предлагали «в основу исчисления тарифов за сожжение положить принцип, по которому сжигание для нетрудового элемента должно стоить в два раза дороже против той же стоимости для лиц свободных профессий и в четыре раза дороже стоимости сжигания рабочих и служащих»²⁹ (соответственно, кремация рабочих и служащих должна была обходиться в 17,50 руб., лиц свободных профессий – в 35 руб., а «нетрудового элемента» - в 70 руб.). В феврале 1929 г. Моссовет установил общие социально-дифференцированные тарифы за погребение на кладбищах и кремацию: 1 рубль для рабочих и служащих, 5 рублей – для лиц свободных профессий и 20 рублей для остальных категорий³⁰. По мере дальнейшей иерархизации и дифференциации советского общества и эта «иерархия» усложнялась и детализировалась. В 1931 г. тарифы были подробно расписаны по четырем категориям с подкатегориями в диапазоне от 3 до 35 рублей: 1 – для рабочих и служащих, по трем подкатегориям, в зависимости от заработка (3-15 руб.), 2 – для кустарей, отдельно для подкатегорий «одиночки» (15 руб.) и «пользующиеся наемным трудом» (25 руб.), 3 – для лиц свободных профессий (25 руб.), 4 – для нетрудового населения (35 руб.)³¹. Теперь даже не финансовая состоятельность или несостоятельность, или же выбор того или иного набора и качества услуг определяли сумму, которая затрачивалась на похороны, а лишь по большей части социальное происхождение и положение покойного и его родственников.

Однако ценовой дифференциацией дело не ограничивалось. Новый социальный порядок должен был и визуально отражаться в пространствах смерти. «Идеальный социалистический некрополь» должен был воспроизводить в своей топографии социальную структуру и новую иерархию общества. И для его выстраивания использовались не только экономические инструменты, но и политика распределения кладбищенского пространства. Правила 1929 г. и все последующие требовали рас-

²⁹ Клемпнер, Некрасов 1927. С. 25.

³⁰ Бартель 1929(а). С. 26.

³¹ Бартель 1932. С. 63.

планирования кладбищенского пространства, разделения их на отдельные участки с установлением очередности их использования, с нумерацией мест погребения. Однако эта очередность не касалась новой советской элиты. Лучшие участки столичных и провинциальных кладбищ, прежде всего, центральные аллеи, служили местом погребения людей, имевших те или иные заслуги перед советской властью – местной партийно-советской и управленческой элиты, деятелей революционного движения. Захоронения «выдающихся деятелей в области общественно-политической работы, революционных движений, науки, искусства» становились, согласно Правилам 1929 года, предметом особой заботы местных советских органов и коммунхоза³². Спустя 50 лет самая подробная инструкция 1979 года вполне недвусмысленно указывала на сложившуюся практику: «Места для почетных захоронений следует располагать на специальных площадках и вдоль главных аллей, они должны иметь удобные подходы и хороший обзор»³³. Со временем на кладбищах появляются участки, дифференцированные и по «профессиональному» признаку: например, участки погребений деятелей культуры и науки, военных. Так же «конструировалось» и пространство единственного тогда в стране колумбария и кладбища Московского крематория. В начале 1930-х гг. были повышены и дифференцированы тарифы на хранение урн (на 10 лет): вместо прежних 40 руб. для всех вводилась цена 80 руб. для хранения урны в нише колумбария вне здания крематория и 250 руб. – для ниш внутри здания³⁴. Сами урны «дифференцировались» на «обыкновенные, уникальные и высокохудожественные»³⁵, со всеми вытекающими ценовыми последствиями. Разумеется, потянуть круглую сумму могли разве что государственные и общественные организации, оплачивавшие пышные похороны, последний приют и «высокохудожественные» урны выдающихся членов советского общества³⁶.

Кстати, еще до открытия крематория уже предполагались и разные сценарии погребального обряда – в зависимости от личности и статуса умершего. Авторы проекта туманно обозначали три категории умерших. К первой относились те, кому предназначались «пышное огненное погребение»: колесница с гробом подъезжает через главный подъезд к главному входу, гроб вносится через парадные двери и вестибюль, устанавливается на возвышенность, совершается ритуал и гроб опускается

³² Правила № 198/Б/197/мв... С. 459-460 (пункты 10, 21, 22, 29).

³³ Инструкция о порядке похорон и содержания кладбищ (1979).

³⁴ Бартель 1932. С. 63.

³⁵ Годовой отчет Общества развития и распространения идеи кремации. С. 115.

³⁶ Так, в здании колумбария обращали на себя внимание «два мотора аэроплана с заделанным в них прахом двух наших летчиков, погибших с товарищем Триандафиловым во время воздушной катастрофы и преданных кремации» (Бартель 1932. С. 63). Речь шла о летчиках разбившегося 12 июля 1931 г. самолета. Прах самого заместителя начальника штаба РККА В.К. Триандафилова был захоронен в Кремлевской стене.

лифтом на эстакаду и предается сожжению. Вообще, «пышное погребение» в первые годы после открытия крематория могло означать и соблюдение религиозного обряда. При его постройке часть первого этажа была отведена для комнат служителей культа и подразумевала возможность религиозного (православного, лютеранского, иудейского, католического) или гражданского обряда³⁷. Однако, учитывая, что крематорий заработал во всю мощь в годы жесткой антирелигиозной кампании и гонений на религиозные обряды, неудивительно, что «в 1930 г. в крематории имело место всего лишь четыре церковных отпевания, а в (...) 1931 г. не было ни одного, хотя таковые и не запрещаются»³⁸. Ко второй категории относились те, чьи «трупы поступают в крематорий для сожжения в порядке строгой очереди», то есть, трупы «обычных граждан». В этом случае гроб подвозился к боковому входу, помещался в морг и ждал своей очереди для совершения ритуала и сожжения. Наконец, к третьей категории относилось «сожжение тел клинических больных, доставляемых из приемных покоев» больниц и т.п. – тех, кого без обиняков именовали «безродными трупами». «В этом последнем случае совершения обряда не требуется, – сообщали авторы проекта, – и прах непосредственно будет предаваться сожжению»³⁹. Люди из последней категории – наряду с «безработными и их детьми» – обычно хоронились бесплатно также и на кладбищах⁴⁰. «Маргиналам» советского общества отводились там, как правило, самые неудобные и дальние места.

Однако признаками маргинальности в «смертных» пространствах были отмечены не только захоронения «безродных трупов», а также «безработных и их детей». В этот период усиленно маргинализируются захоронения «бывших». Советская идентичность и живых, и мертвых строилась и утверждалась через отрицание – прошлого, бывших статусов и заслуг, прежних неравенств и иерархий (вспомним хрестоматийную фразу из первой советской азбуки 1919 г. «Долой неграмотность: букварь для взрослых», определявшую «пролетарскую идентичность»: «мы **не** рабы, рабы **не** мы»). Это отрицание предполагало «позитивную» дискриминацию «бывших». Причем, дискриминационные практики в отношении живых (жилищные «уплотнения» и выселения «бывших» из их квартир и домов, экспроприации) зеркально отражались и в дискриминационной политике в отношении мертвых.

Еще в 1919 г. в Моссовете была озвучена идея передачи монастырских кладбищ под нужды обитателей рабочих общежитий и контор, размещенных в зданиях монастырей. И уже в начале 1920-х гг. эти оби-

³⁷ Клемпнер Л., инж., Некрасов С. Первый крематорий в г. Москве. С. 20.

³⁸ Бартель, Гвидо. Развитие кремации в Москве в 1930-1931 гг. С. 62.

³⁹ Клемпнер Л., инж., Некрасов С. Первый крематорий в г. Москве. С. 25.

⁴⁰ Хальнов, член секции Моссовета. Кладбища г. Москвы // Коммунальное хозяйство. 1927. № 17-18. Сентябрь. С. 26.

татели без всяких санкций начали активно «осваивать» территорию кладбищ. Так, после передачи зданий Спасо-Андроникова монастыря в Москве под рабочий поселок завода «Серп и Молот» жители поселка начали растаскивать надгробия, продавали кладбищенские плиты как строительный и облицовочный материал. Закрыв к осени 1924 г. 13 монастырских кладбищ, московские власти деловито предполагали использовать памятники как строительный материал. Среди советских органов даже возникла конкуренция за право получать прибыль от продаж. Надгробные камни продавались по 25–30 руб. В середине 1928 года Моссовет разрешил «заготавливать» на кладбищах металлолом, и Рудметаллторг усердно принялся снимать могильные ограды на Алексеевском и Покровском монастырских кладбищах⁴¹.

В конце 1920–1930-е гг. в рамках антирелигиозных кампаний (и даже позже – вплоть до 1950-х) по всей стране власти ликвидировали множество кладбищ, территории которых становились городскими парками и скверами, но также использовались для промышленного и складского строительства, дорожного строительства, даже для строительства спортивных комплексов⁴². Упрощенную схему ликвидации кладбищ для расширения территории быстро растущих городов узаконила Инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросу культов «О порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников» от 16 октября 1931 г.⁴³ Примечательно, что эта Инструкция 1931 г. (в отличие от Правил 1948 г.) еще различала такие понятия, как «закрытие» кладбища (после чего территория, насыпи, ограды, памятники оставались в неприкосновенности) и «ликвидация» кладбища, которая могла последовать по истечении 20–30 лет с момента последнего захоронения. Правда, согласно этой инструкции, допускалась «досрочная ликвидация» кладбища «в случаях государственной или местной необходимости (новое плановое строительство, прокладка новых линий путей и проч.)», при которой допускался перенос тел захороненных там людей на другие кладбища по ходатайству родственников.

На практике «досрочная ликвидация» случалась слишком часто, причем, перенос останков либо надгробий, как правило, касался не всех покойных, а лишь известных деятелей, признанными значимыми советской властью, за которых ходатайствовали общественные организации и объединения. Исключение предполагалось лишь для «могил и памятников выдающихся деятелей в области общественно-политической работы, революционных деятелей, деятелей науки и искусства, а также тех па-

⁴¹ Некрополь Спасо-Андроникова монастыря...

⁴² Например, в Новосибирске. См.: Рольф 2009. С. 157.

⁴³ См.: Инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросу культов «О порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников»...

мятников, которые сами по себе представляют значительную историко-художественную ценность»: они не могли быть снесены без разрешения сектора Главнауки, а задача их сохранения и поддержания в порядке возлагалась на местные органы коммунального хозяйства, райисполкомы и сельсоветы. Одни из самых известных перезахоронений – перенос на Новодевичье кладбище останков Н.В. Гоголя, Н.М. Языкова, С.Т. Аксакова. Перезахоронения были довольно беспорядочны, не соблюдались традиции православного погребения, нередко при перезахоронении утрачивались части или целиком надмогильный памятник⁴⁴. На деле указанные советские органы проявляли полное равнодушие к судьбам этих могил и памятников. Защитниками захоронений становились общественные организации – такие, как «Старая Москва» и ее кладбищенская комиссия (с 1925 г.), Межведомственный комитет по охране могил выдающихся деятелей на кладбищах Москвы и Московской губернии, образованный в 1927 г. губмузеем, Союзом писателей и «Старой Москвой». Судьбой захоронений «обычных» людей заниматься было некому и не на что, хотя в конце 1920-х гг. службы Моссовета, Комитет по охране могил были завалены просьбами горожан помочь им перенести со сносимых некрополей прах и надгробия родственников. У не причисленных к верхним этажам новой иерархии покойников было мало шансов вторично обрести «вечный» покой. Впрочем, уже в 1930 г. все эти кладбищенские комиссии были закрыты⁴⁵. И, соответственно, вопрос тоже был закрыт.

Как видим, вопрос о сносе надмогильных памятников в конце 1920-х – начале 1930-х гг. решался весьма легко. Что облегчало и использование последних для «народнохозяйственных нужд». Надмогильные памятники и ограды, поставленные религиозными организациями, считались культовым имуществом, а памятники и ограды, сооруженные частными лицами, – их личным имуществом. Причем, основанием сноса памятников являлась либо ликвидация кладбища, либо т.н. «бесхозяйственное содержание» (то есть, памятник определялся как ветхий и не восстанавливался родственниками умершего в течение года). Сносимые памятники подлежали «реализации» органами Наркомфина: памятники, построенные религиозными организациями – как относящиеся к госфонду, а памятники частных лиц – «как имущество бесхозяйное»⁴⁶. О судьбе прочих памятников, сооруженными частными лицами, документ даже не упоминал. Таким образом, надмогильные памятники массово «экспроприировались» и шли на хозяйственные нужды – ими мостили дороги и использовали в качестве поребриков, строительного материала, использовали вторично на действующих кладбищах как материал для новых надгробий советских граждан.

⁴⁴ См. об этом: Ликвидация кладбищ в СССР...

⁴⁵ Некрополь Спасо-Андроникова монастыря...

⁴⁶ Инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК...

Последнее обстоятельство имело особый символический смысл: новые советские некрополи строились на руинах прежних, а памятники и надгробия новым кумирам в буквальном смысле попирали памятники «бывшим». Так, для стелы и стереобата памятника В.И. Ленину в Уфе, поставленного вскоре после его смерти, были использованы десятки надгробий с уфимских кладбищ со стесанными и не стесанными надписями, вмурованными внутрь (что обнаружилось при реставрации памятника в 1989 г.)⁴⁷. А при реконструкции в 2011 г. надгробного памятника поэта Габдуллы Тукая (1886–1913) на Ново-Татарском кладбище Казани, установленного Министерством культуры ТАССР в 1956 г., автор этой статьи лично видела, что в качестве цоколя памятника было использовано надгробие XIX века с одного из казанских кладбищ – умершей в 1893 г. М.А. Толстой.

Однако «расслоение» покойников проходило не только по социально-классовой, но и по другим линиям, например, «вожди – масса», «великие – простые». И эти иерархии проявлялись не только в локализации могил или урн в тех или иных участках кладбища/крематория. Выстраивалась иерархия самих мест погребения. Удивительно, но она распространялась даже на коллективные захоронения. Так, в параллель практике «общих могил» на городских кладбищах для обычных граждан – с ноября 1917 г. по 1927 г. существовала практика массового торжественного захоронения «павших борцов революции» в «братских могилах» на Красной площади, где упокоилось более 300 человек⁴⁸.

Самым главным и престижным кладбищем уже в первые годы советской власти становится Красная площадь. Возведенному в 1924 г. (практически, поверх братских могил павших в ходе октябрьских боев 1917 г. в Москве) Мавзолею В.И. Ленина в большевистском дискурсе и в процессе формирования советской идентичности отводилась важнейшая функция. Его могила позиционировалась как «источник энергии и мужества, источник неисчерпаемой бодрости для трудящихся всего мира в борьбе за осуществление заветов Ильича»⁴⁹, как духовный центр страны и источник революционной энергии, «колыбели свободы всего человечества»⁵⁰. Соответственно, похороны у Кремлевской стены вблизи Мавзолея оказывалось подобием средневековых захоронений *ad sanctos* («у святых») – вблизи церквей у могил святых и мучеников, что служило залогом спасения и воскресения⁵¹. Их удостаивались «вожди» и «герои» высокого ранга – лидеры партии и государства. Причем, способ погреб-

⁴⁷ Егоров 2015. С. 81.

⁴⁸ См.: Некрополь у Кремлевской стены...

⁴⁹ Митницкий 1924.

⁵⁰ «Могила Ленина – колыбель свободы всего человечества» – один из лозунгов Московского комитета РКП по случаю смерти Ленина. См.: Рабочая Москва. Экстренный выпуск. 1924. 22 января.

⁵¹ См.: Арьес 1992. С. 62-69.

бения также дифференцировался в зависимости от статуса покойного: тела одних (12 человек, начиная с 1919 г. (Я.М. Свердлов) и до середины 1980-х гг.) хоронили у стены, тела других (115 человек) сжигали и вмуровывали прах в стену⁵². Применение кремации, как видим, тоже было дифференцировано: пропагандируя ее в 1920-х гг. для «обычных граждан», власть применяла кремацию далеко не для всех представителей элиты. В отношении самого высшего эшелона советской элиты она не использовалась (хотя вопрос о возможной кремации Ленина и обсуждался, даже в отсутствии тогда крематория). Высший слой советской элиты был территориально и символически отделен от прочих ее слоев. Даже когда совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1953 г. (не было реализовано) было решено перенести останки ее членов с Красной площади, их не предполагалось захоронить на одном из привилегированных кладбищ: постановление предполагало создание для них специальной мемориальной усыпальницы, Пантеона⁵³. Для прочих «выдающихся», по мере иерархизации советского общества, создавались «привилегированные» некрополи, каковыми в столице в 1927 г. решением ЦИК было определено Новодевичье кладбище, а затем, в 1970-х гг., его «филиалами» стали Новокунцевское и Троекуровское, к списку привилегированных кладбищ добавилось и Ваганьковское⁵⁴. Иерархия кладбищ из столиц транслировалась в провинцию, воспроизводилась практически во всех крупных городах СССР, где также имелись «привилегированные» кладбища, захоронения на которых имели высокий статус. Причем, к излету советской эпохи ранги захороняемых были определены столь четко, что, к примеру, народный артист СССР мог быть погребен на Новодевичьем кладбище, а народный артист РСФСР, чей «ранг» был пониже – лишь на Ваганьковском кладбище⁵⁵.

За годы советской власти статус некрополя, места на кладбище или в колумбарии превратились в весьма четко «читаемые» знаки принадлежности умершего человека к определенной социальной и профессиональной группе, его положения внутри этих групп. Эти знаки, место в пространстве, весьма прозрачно символизировавшее место на иерархической лестнице советского общества, оказывались намного значимее, чем пышность самой церемонии и ритуала, количество венков и наград, качество «похоронных атрибутов» или размер похоронной процессии. Ибо место «навечно», как представлялось современникам, закрепляло статус умершего и передавало память о нем и его статусе потомкам. Именно поэтому в последние десятилетия советской власти граждане всеми правдами и неправдами стремились похоронить своих близких на

⁵² См.: Некрополь у Кремлевской стены...

⁵³ О Пантеоне и проектах см.: Пантеон (Москва)...

⁵⁴ 1918: коммунистическое реформирование...; Боброва 1999.

⁵⁵ «Все мы там не будем». Документальный фильм...

самых престижных городских погостах и местах, не останавливаясь перед неумеренными ценами маклеров, жертвуя порой достоинством последнего обряда (чего стоят легендарные «нелегальные» похороны на престижном казанском Арском кладбище – ночью, через боковой забор кладбища; или практика конца советской эпохи – выкупленное за большие деньги у родственников или у черного маклера право похоронить близкого в чужой могиле на престижном Новодевичьем кладбище⁵⁶).

3. Маркеры советскости и причуды «гибридной идентичности»

Подкреплению и утверждению идентичности и статуса покойного способствовали специфические маркеры, вербальные и визуальные, выработанные на протяжении всех советских десятилетий и сравнительно легко «прочитываемые» и понимаемые в поле советской культуры.

Самым явным маркером советскости был сам обряд, ритуал похорон. Уже в первые годы советской власти обряд постепенно секуляризируется. Впрочем, такие «красные похороны», как известно, возникают еще до революции 1917 г. Погребальное пространство, буквально затопленное кумачом, изображено и на известной картине И.Е. Репина «Красные похороны» (1905–1906). Самым ярким примером называют нередко похороны Н.Э. Баумана в 1905 г. После революции 1917 г. похороны без религиозного обряда и отпевания, без священника, без икон становятся неким маркером «революционности». Противники прежней религиозной обрядности, впрочем, не сходились во мнениях, нужно ли замещать ее новой красочно-театральной обрядностью «красных похорон» или просто ограничиваться утилитарной лишенной сакральности процедурой прощания и погребения. А.Д. Соколова условно выделяет три мнения среди функционеров и общественных деятелей о том, нужно ли государству вмешиваться в процесс создания новой обрядности и нужен ли новый ритуал. Первый подход демонстрировал равнодушие и к новой обрядности, и к идее ее внедрения административными методами (этот подход связывается с именем Е. Ярославского), второй представлял Л.Д. Троцкий, полагавший, что государство должно проявлять интерес к новой обрядности, но не насаждать его прямым администрированием, третий подход (связывается с В. Вересаевым) предполагал активную разработку и внедрение новой обрядности путем государственного администрирования. Соколова полагает, что все три подхода реализовывались в свое время: вначале, в первой половине 1920-х гг., происходит расцвет спонтанной организации «красных похорон», что соответствовало духу агрессивной антирелигиозной кампании 1920-х гг., затем с конца 1920-х наступает период полного равнодушия к «красным обрядам» (внимание государства, якобы, смещается к проблемам кремации), и к началу 1930-х гг. они приходят в упадок; нако-

⁵⁶ «Все мы там не будем»...

нец, только в 1960-х гг. государство активно берет разработку и внедрение новой обрядности в свои руки⁵⁷.

Суждение небесспорное, особенно в части утверждения о смещении внимания государства на кремацию с конца 1920-х: как раз к концу 1920-х государство охладевает к идее кремации, амбивалентно используя этот способ захоронений как для своих тайных жертв – репрессированных, так и для части своих вождей, на что указывает и сама Соколова. Эта амбивалентность придала кремации дополнительные черты культурной чуждости и маргинальности. Хотя до конца 1920-х гг. адепты кремации яростно и весьма агрессивно пропагандировали этот способ захоронения, и он, будучи избран сознательно весьма небольшим процентом советских граждан, безусловно, был демонстративным маркером как новой советской идентичности, так и – в еще большей степени – показателем категорического отрицания прежних идентичностей и разрыва с прошлым. Однако к этому сроку времена «революционаризма», в том числе в сфере культуры, уже подошли к концу.

К тому же, ритуал погребения оставался наименее подвержен «революционизированию». «Красные похороны», как самый радикальный вариант секуляризованных похорон, как известно, не получили широкого распространения и «сдулись» уже к середине 1920-х гг. Однако использовавшиеся в их ходе элементы и атрибуты – красные флаги, цветы (часто тоже красные), венки с революционной символикой охотно заимствуются в центре и провинции в практике новых советских погребений.

Советское маркирование отчетливо проявилось в этой новой символике смерти и погребения. Очень своеобразно эта новация проступила на похоронах Ленина. В 1925 г. был издан огромный альбом с отдельными цветными вкладками и с лаконичным названием «Ленину. 21 января 1924», в котором были обнародованы фотографии почти полутора тысяч венков, принесенных к Дому Союзов, к гробу и Мавзолею Ленина в траурные январские дни 1924 г. На этих изображениях можно заметить широкое присутствие прежней, дореволюционной традиционной символики, использовавшейся и при погребении. Многообразный растительный декор из живых и искусственных растений – цветы, листья пальмы (символ вечной славы), ветви лавра и дуба (символы славы и победы, а также крепости и силы) – так же, как и украшенный пальмами и цветами и растительностью Колонный зал Дома Союзов, где происходило прощание с покойным – все это весьма прозрачно отсылало к идее Эдема, райского сада, столь привычного (хоть и не всегда осознаваемого) в символике религиозных похорон, и столь, казалось бы, неуместного при похоронах главного атеиста. Однако широко использовались при создании венков и новые, революционные символы – пятиконечные звезды, серпы и молоты. Причем, ряд этих новых символических изображений приводит в

⁵⁷ Соколова 2013.

недоумение, обозначая не только новации в визуальном оформлении похорон, но и новую тенденцию в обозначении идентичности не столько покойного, сколько скорбящих по нему советских граждан. Речь идет о целом ряде венков с «символами» профессиональных занятий скорбящих. Так, горняки Урала преподнесли «дорогому Ильичу» в качестве венка глыбу красной яшмы с черной полосой агата и двумя горными молотками, Центральный институт труда – странноватый венок, представлявший собой доску с неким графиком повышения чего-то (видимо, производительности труда), от рабочих завода «Профинтерн» г. Бежице (бывший Брянский государственный завод) был возложен венок со «всевозможными металлическими производственными изделиями завода: напильники, цепи, циркули, дрели, метчики и др.», рабочие Купавинской фабрики треста Моссуко принесли венок, представлявший собой деревянный щит, обитый разноцветными кусками сукна с портретом Ленина, сделанным из сукна же, с «прикрепленными всевозможными атрибутами суконного производства, перемешанными с цветами, сделанными из сукна, и мотками шерсти», Центральный аэрогидродинамический институт возложил к гробу вождя лопасть пропеллера, к которой был прикреплен серебряный венок из лавровых и дубовых листьев с портретом Ленина, а венок 23-й Харьковской стрелковой дивизии был составлен из разных видов вооружений – винтовок, штыков, кортиков, патронов и пр.⁵⁸.

И нельзя сказать, что такие (весьма недешевые) венки станут уникальными – они не раз повторятся при похоронах статусных персон советской элиты в 1920-х – начале 1930-х гг.: уже упоминались два мотора аэропланов с заделанным в них прахом летчиков, погибших с замначштаба РККА Триандафиловым, другой пример – венок, возложенный при погребении Ф.Э. Дзержинского в 1926 г. от одного из областных ГПУ, представлял собой конструкцию из винтовок и револьверов. Интересно другое: эти подношения маркировали идентичность не покойного, а скорбящих. Хотя отражали они, безусловно, общую тенденцию – усиленное конструирование в пространствах смерти новых, советских идентичностей, заполнение тех лакун, которые образовались в пространствах жизни и смерти после отмены (согласно «Декрету об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г.⁵⁹) всех сословий, чинов, званий, титулов, наград, гербов и прочих элементов символического капитала, который означивал прожитые жизни покойных в прошлом.

Трудовая, профессиональная идентичность, а также маркеры ее успешности становятся в советское время одной из значимых и часто обозначаемых вербально или символически (особенно во второй половине XX в.) на надгробных памятниках. Знаки профессий – чаша со

⁵⁸ Ленину. 21 января 1924. М., 1925. С. 66, 165, 299, 321, 2 цветные вклейки.

⁵⁹ Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов... С. 72.

змеей на могильном камне медиков, в позднесоветское время иногда дополняемая фотографией усопшего в белом халате, лира или занавес на надгробии деятелей искусства, танки, самолеты, парашюты – на памятниках бывшим военным – стали нередким явлением, практически общим местом на столичных и провинциальных кладбищах. Не меньшее место занимало и обозначение заслуг покойного, маркирующее степень его профессионально-трудовой успешности и его принадлежность к разным ступеням советской элиты или к «знатым» советским гражданам. Чаще всего они были вербальными: в 1930–1950-х гг. на памятниках часто писали «орденоносец», «кандидат таких-то наук» (введенная тогда степень была не столь распространенной и массовой, как сейчас), «персональный пенсионер» или «персональный пенсионер союзного значения» (с 1956 г., когда были введены), часто – должность покойного («главный инженер Жиркомбината», «директор ТЭЦ-2»), позже перечисление заслуг расширяется и становится более разнообразным и подробным – «народный артист» СССР или соответствующей республики, «заслуженный деятель науки», «Герой Социалистического Труда» и т.д. Важным маркером «советскости» становится указание на участие в самых знаковых событиях жизни страны. Нередко в последние советские десятилетия на памятниках умерших в качестве наиболее значимой вехи биографии и идентичности указывали их участие в Великой Отечественной войне: «участник Великой Отечественной войны», «Герой Советского Союза» – иногда с изображением, соответственно, Звезды Героя, иногда изображали и другие награды – например, на одном памятнике полного кавалера Ордена Славы на казанском кладбище – «полный бант» Ордена Славы.

Однако и могилы не обладавших такими значимыми заслугами перед советским государством и обществом покойных обрели уже в 1920–1930-х гг. вполне советские маркеры. Заметим, кстати, что советское маркирование проявилось уже в постепенном изменении самой формы надгробного камня: одна из самых популярных и традиционных до революции – крест, уходит в прошлое, заменяясь более нейтральной массовой формой прямоугольной плиты, стелы, обелиска. Из представленных на надгробиях советских символов преобладала, безусловно, красная звезда, ее укрепляли обычно на вершине могильной стелы или обелиска, либо выбивали или изображали на самом камне. Причем, устанавливался этот символ Красной Армии на могилах далеко не только военных, а вполне гражданских. Красная звезда своеобразно и весьма прозрачно замещала прежний религиозный символ – крест или реже изображавшиеся лики святых. Кстати, секуляризация и «осовечивание» надгробий несколько десятилетий спустя выразится и в массовом помещении на памятники – на то место, где прежде могли поместить лик святого, – фотографии самого покойного. Иногда на советских памятниках встречаются несколько

обескураживающие своей претенциозностью символы: так, на Арском кладбище Казани аж на двух надгробиях 1938 г. граждан, явно не относившихся к самым верхним этапам советской элиты (майор В.П. Бажинов и «управляющий конторой Главконсерва, член ВКП(б) с 1913 г.» В.М. Петров), обнаружился Государственный герб СССР.

Однако «советскость» кладбищенской символики, как и самих советских идентичностей граждан, была далеко не абсолютной. Так, помимо массового производства стандартных и нейтральных по форме памятников в виде обелиска, стелы, прямоугольной плиты, довольно долго – во всяком случае, на протяжении 1920–1950-х гг. – встречается намного более дорогой вариант памятника причудливой сложной формы из гранита, мрамора, весьма прозрачно отсылающий к изображению христианской часовни. Он ставился, как правило, над могилами представителей научной, творческой элиты, иногда – советского чиновничества. Такой памятник-часовня как бы подразумевал навершие в виде креста, каковой нередко на нем и появлялся, особенно в 1920–1930-е гг. Но чаще всего навершие благоразумно не устанавливалось. А иногда в качестве такового водружалась и пятиконечная советская звезда, подчеркивавшая советскую идентичность покойного. Заметим, что советское маркирование в 1920–1930-е гг. могло служить и своеобразным «оберегом»: помещение на надгробие советского символа могло в эти годы быть попыткой защиты могилы близкого от возможных катаклизмов судьбы, столь памятных по историям разрушения кладбищ и надгробий в те десятилетия.

«Советскость» кладбищенской символики оказывалась такой же смешанной, как идентичность значительного большинства людей, называвших и полагавших себя «советскими». Они вполне непротиворечиво и органично вплетали в свои представления и дискурсивные практики не только азы марксистско-ленинской идеологии, но и религиозные представления и перенятые от предыдущих поколений родственников повседневные практики, и основанные на собственном опыте практики «здравого смысла». Соответственно, надгробия советских десятилетий подчас поражают сочетанием религиозных и советских революционных символов. В 1920–1930-х гг., как правило, символы еще не смешивались, хотя на одном и том же кладбище стояли и памятники с красной звездой, и памятники с религиозными символами. Хотя, например, на татарском кладбище Казани в глаза бросаются отдельные надгробия 1920–1930-х гг., на которых звезда в традиционном для мусульманских надгробий символе полумесяца со звездой зримо представляет собой именно красноармейскую звезду, либо красная звезда на вершине памятника мирно уживается с полумесяцем на самом камне. В отдельных случаях красная звезда на кладбищах соседствовала и с крестом. На памятниках красноармейцам, погибшим в последние дни битвы за Берлин 1945 г. и похороненным на русском кладбище Тегель в Берлине (было передано в веде-

ние Московской патриархии РПЦ), мирно соседствуют выбитые на них красноармейская звезда и православный крест.

Борьба с религией в 1920–1930-е гг. внесла свою лепту в уменьшение на советских городских кладбищах памятников с религиозной символикой, хотя «смертные пространства» менее других оказались затронуты секуляризацией. Зато начиная с 1960-х гг. религиозные символы не только возвращают частично утраченные позиции в этом пространстве, но и вполне гармонично уживаются с советскими. Об этом визуально свидетельствуют многочисленные памятники похороненных в одной «семейной» оgrade в 1960–1980-х гг. родственников: памятники в виде обелиска с советской звездой и в виде широко распространенных в эти десятилетия крестов из металлической арматуры непротиворечиво соседствуют, являя собой примеры многообразия и вариативности понимания советских идентичностей внутри одной семьи и их презентации. А в позднесоветский и постсоветский периоды встречаются памятники, на которые нанесены одновременно изображения и креста, и пятиконечной звезды.

В заключение вернемся к замечанию А.Д. Соколовой о том, что с 1960-х гг. государство берет разработку и внедрение новой обрядности в свои руки. В этом контексте особенно интересен тезис о «новизне» этой обрядности. Действительно, в 1960-х гг. советские идеологи предпринимают последние усилия «вдохнуть» в изрядно деидеологизированные и «интимизированные» советские праздники, ритуалы и обряды идейное содержание. Особое внимание уделялось попыткам заново «советизировать» и секуляризовать ритуалы перехода, в том числе похороны, влияние на которых религиозных традиций, так и не утраченное за годы советской власти, неудержимо росло, начиная с периода Великой Отечественной войны. Насколько безуспешны оказались эти попытки, можно судить по, наверное, последнему советскому документу, касающемуся погребения – «Инструкции о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР» Министерства ЖКХ РСФСР от 12 января 1979 г. В этом подробном документе, описывавшем, как и что делать семье, агенту похоронной службы, организатору похорон, вполне очевидно воспроизводится традиционный порядок православных похорон (вплоть до, например, завешивания зеркал и картин и правил размещения гроба в комнате), правда, без религиозного ритуала (хотя «перевозка гроба с телом в культовое здание» неоднократно и упоминается) и с включением «советских элементов» (в виде, например, проноса подушечек с советскими орденами и медалями, либо завершение гражданской церемонии констатацией, что «Гражданин Союза Советских Социалистических Республик (имярек) закончил свой жизненный путь»). Фактически, Инструкция освящала в качестве «советского» ритуала похорон несколько редуцированный за годы советской власти традиционный религиозный ритуал погребения, признавая отраженную в нем гибридную идентичность советского человека.

Пространство смерти и сопряженные с ней ритуалы, символы, маркеры сыграли важную роль в процессах «советизации» живых. Особенно это касается первых советских десятилетий. В этой статье не затронута большая тема – роль воинских захоронений периода Великой Отечественной войны, их символики в «перезагрузке» и наполнении советской идентичности новыми, неформальными, глубоко эмоциональными значениями, в сотворении и цементировании памяти советского народа как нации. Фактически, вплоть до конца советской эпохи, а в значительной степени и в постсоветское время именно память о кровавой жертве советского народа в Великой Отечественной войне и цене Победы, материализованная и в смертных пространствах, являлась/является главным моментом, определявшим советскую, а ныне определяющим «российскую», идентичность. Однако, это тема для отдельной работы.

Вторая половина «советского» XX века отличалась, с одной стороны, развитием тенденции иерархизации идентичностей покойных в пространствах смерти в рамках сложившейся и развивавшейся и все более дифференцировавшейся советской социальности, а с другой стороны, тенденциями все усиливавшейся «гибридизации» советских идентичностей, все более «разбавлявшейся» иными, воспринимаемыми как не менее – а иногда и более – значимые. Многообразие и вариативность советских идентичностей, наступление на их коммунистическую доминанту в последние советские годы соперничавших с ней религиозных, национальных/националистических составляющих вносили свою лепту в процессы распада и размывания советских идентичностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анализ практик субъективизации в раннесталинском обществе // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 209-417.
- Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер. с франц. / Общ. ред. С.В. Оболенской; предисл. А.Я. Гуревича. М.: «Прогресс – Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
- Бартель Г. Значение железнодорожного транспорта в деле развития кремации // *Коммунальное хозяйство*. М., 1929(а). № 3–4 (25 февраля). С. 24-26.
- Бартель Г. Работа Московского крематория // *Коммунальное хозяйство*. М., 1929(б). № 19–20. Октябрь. С. 27-35.
- Бартель Г. Развитие кремации в Москве в 1930–1931 гг. // *Коммунальное хозяйство*. М., 1932. № 6. Июнь. С. 59-63.
- Боброва И. Могила для кумира // *Московский комсомолец*. 1999. 29 сентября. № 347 // <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/05/30/135543-mogila-dlya-kumira.html>.
- Бодрийяр, Жан. Символический обмен и смерть / Пер. с франц. Зенкина С.Н. 4-е изд. М.: «Добросвет», «Издательство «КДУ»», 2011. 392 с.
- Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006. 288 с.
- В-ский А. Погребение усопших // *Биржевые ведомости*. Вечерний выпуск. СПб., 1905. 12 (26) мая.
- «Все мы там не будем». Документальный фильм из цикла «Хроника московского быта» // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=yE4UdFxn9sQ>
- Годовой отчет Общества развития и распространения идеи кремации в РСФСР «ОРИК» (1 октября 1927 по 1 октября 1928 г.) (Председатель правления С. Войт,

- секретарь С. Некрасов) // Коммунальное хозяйство. М., 1928. № 23-24. 25 декабря. С. 113-118.
- Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. 11 (24) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 72.
- Декрет СНК от 7 декабря 1918 г. «О кладбищах и похоронах» // Декреты Советской власти. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1968. С. 163–164.
- Декрет СНК РСФСР от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «BestPravo». URL: <http://bestpravo.ru/sssrgn-akty/14v.htm>.
- Егоров П.В. Посмертная судьба (история спасения старинных надгробных памятников Уфы) // Уфимский некрополь / Сост. и отв. ред. М.И.Роднов. СПб.: ООО «Свое издательство», 2015. С. 79-88.
- Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев; Золотой теленок. Казань: Таткнигоиздат, 1990. 639 с.
- Инструкция о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР. Утверждена Приказом Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР от 12 января 1979 г. № 25 // Информационно-правовой портал «BestPravo». URL: <http://bestpravo.ru/sssrgn-gosudarstvo/s2a/index.htm>.
- Инструкция Постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросу культов «О порядке устройства, закрытия и ликвидации кладбищ и о порядке сноса надмогильных памятников». 16 октября 1931 г. // Центр древнерусской духовной культуры «Старая Русь». URL:http://cddk.ru/gos_i_religia/history/sov-law/043.htm.
- Клемпнер Л., инж., Некрасов С. Первый крематорий в г. Москве // Коммунальное хозяйство. 1927. № 1-2. 20 января. С. 19-27.
- Лавров Ф. К открытию Московского крематория // Коммунальное хозяйство. М., 1927. № 11-12, июнь. С. 3-6.
- Ленину. 21 января 1924. М., 1925. 517 с. + 13 вкл.
- Ликвидация кладбищ в СССР [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ликвидация_кладбищ_в_СССР.
- Митницкий Л. Могила Ильича // Правда. 1924. 27 января.
- Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р-1130. Министерство коммунального хозяйства ТАССР. Оп. 1. Д. 333. Месячные финансовые отчеты по эксплуатации кладбищ и квартир. 1925-1926. 239 л.; Ф. Р-1803. Отдел коммунального хозяйства Исполкома Казанского горсовета. Д. 235. Месячные отчеты о деятельности Арского кладбища за 1922, 1923 гг. 155 л.
- Наша анкета о кремации // Коммунальное хозяйство. 1927. № 11-12, июнь. С. 21-43.
- Некрополь Спасо-Андроникова монастыря // База знаний «Allbest.ru». URL: http://knowledge.allbest.ru/religion/2c0a65625a3bd78b5c43b89521206d26_2.html.
- Некрополь у Кремлевской стены // http://ru.wikipedia.org/wiki/Некрополь_у_Кремлевской_стены.
- Пантеон (Москва) // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Пантеон_\(Москва\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Пантеон_(Москва)).
- Правила № 198/Б/197/мв Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата здравоохранения «Об устройстве кладбищ и порядке погребения» 7/11 июня 1929 г. // Бюллетень НКВД. 1929. № 23-24. С. 458-462.
- Рабочая Москва. Экстренный выпуск. 1924. 22 января.
- Роднов М.И. Уфимский некрополь // Уфимский некрополь / Сост. и отв. ред. М.И. Роднов. СПб.: ООО «Свое издательство», 2015. С. 5-70.
- Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 439 с.
- Санитарные правила устройства и содержания кладбищ. Утверждены Главным государственным санитарным инспектором СССР 1 ноября 1960 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «BestPravo». URL: <http://bestpravo.ru/sssrgn-eh-pravo/mlw.htm>.

- Санитарные правила устройства и содержания кладбищ. Утверждены Заместителем Главного государственного санитарного врача СССР 10 февраля 1977 г. // Информационно-правовой портал «BestPravo». URL: <http://bestpravo.ru/sssrgn-dokumenty/y3a.htm>.
- Соколова, Анна. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 191-209.
- Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г. Москва. Бюро секретариата ЦК РКП, июнь 1923. Стенографический отчет. Воспроизведено по тексту 1-го издания. М.: ИНСАН, 1992. 296 с.
- 1918: коммунистическое реформирование по «могильной части». Эфир Радио «Свобода». 26 июля 2008 // URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/458731.html>
- Федынский В., санврач. Кладбищенский кризис в Москве и кремация // Коммунальное хозяйство. М., 1926. № 9-10. 25 мая. С. 23-31.
- Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Пер. с франц. Б.М. Скуратова. Под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Практикс, 2006. С. 191-204.
- Хальнов, член секции Моссовета. Кладбища г. Москвы // Коммунальное хозяйство. 1927. № 17-18. Сентябрь. С. 26-27.
- Хеллбек Й. Личность и система в контексте сталинизма: попытка переоценки исследовательских подходов // Крайности истории и крайности историков: сб. ст. / [редкол.: М.К. Горшков и др.]. М.: РНИСИНП, 1997. С. 195-207.
- Halfin, Igal. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. 474 pp.
- Hellbeck, Jochen. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 448 pp.
- Malyševa S. Der rote Thanatos: Nekrosymbolismus in der sowjetischen Kultur // Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung 2015. Berlin: Metropol Verlag, 2015. S. 181-198.
- Merridale, Catherine. Steinerne Nächte. Leiden and Sterben in Russland / Aus dem Englischen von E.Heinemann, K.Schuler und K.Miedler. München: Karl Blessing Verlag, 2001. 543 s.
- Schloegel K. Friedhof Europa. Ein Essay // Nekropolis: Der Friedhof als Ort der Toten und der Lebenden / Hrsg. Norbert Fischer. Stuttgart: Kohlhammer, 2005. S. 253-265.

REFERENCES

- Analiz praktik sub#ektivizacii v rannestalinskom obshhestve // Ab Imperio. 2002. № 3. S. 209-417.
- Ar'es F. Chelovek pered licom smerti: Per. s franc. / Obshh. red. S.V. Obolenskoj; predisl. A.Ja. Gurevicha. M.: «Progress – Progress-Akademija», 1992. 528 s.
- Bartel' G. Znachenie zheleznodorozhnogo transporta v dele razvitiya kremacii // Kommunal'noe hozjajstvo. M., 1929(a). № 3–4 (25 fevralja). S. 24-26.
- Bartel' G. Rabota Moskovskogo krematorija // Kommunal'noe hozjajstvo. M., 1929(b). № 19–20. Oktjabr'. S. 27-35.
- Bartel' G. Razvitie kremacii v Moskve v 1930–1931 gg. // Kommunal'noe hozjaj-stvo. M., 1932. № 6. Ijun'. S. 59-63.
- Bobrova I. Mogila dlja kumira // Moskovskij komsomolec. 1999. 29 sentjabrja. № 347 // <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/05/30/135543-mogila-dlya-kumira.html>.
- Bodrijjar, Zhan. Simvolicheskij obmen i smert' / Per. s franc. Zenkina S.N. 4-e izd. M.: «Dobrovset», «Izdatel'stvo «KDU»», 2011. 392 s.
- Borisova L.V. Trudovye otnoshenija v Sovetskoj Rossii (1918–1924 gg.). M.: So-branie, 2006. 288 c.
- V-skij A. Pogrebenie usopshih // Birzhevye vedomosti. Vechernij vypusk. SPb., 1905. 12 (26) maja.

- «Vse my tam ne budem». Dokumental'nyj fil'm iz cikla «Hroniki moskovskogo byta» // URL: <http://www.youtube.com/watch?v=yE4UdFxn9sQ>
- Godovoj otchet Obshhestva razvitiya i rasprostraneniya idei kremacii v RSFSR «ORRIK» (1 oktjabrja 1927 po 1 oktjabrja 1928 g.) (Predsedatel' pravlenija S. Vojt, sekretar' S. Nekrasov) // Kommunal'noe hozjajstvo. M., 1928. № 23-24. 25 dekabrja. S. 113-118.
- Dekret ob unichtozhenii soslovij i grazhdanskih činov. 11 (24) nojabrja 1917 g. // Dekrety Sovetskij vlasti. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1957. S. 72.
- Dekret SNK ot 7 dekabrja 1918 g. «O kladbishhah i pohoronah» // Dekrety Sovetskij vlasti. T. 4. M.: Gospolitizdat, 1968. S. 163-164.
- Dekret SNK RSFSR ot 31oktjabrja 1918 g. «Polozhenie o social'nom obespechenii trudjashhihsja» [Elektronnyj resurs] // Informacionno-pravovoj portal «BestPravo». URL: <http://bestpravo.ru/sssr/gn-akty/14v.htm>.
- Egorov P.V. Posmertnaja sud'ba (istorija spasenija starinnyh nadgrobnnyh pamjatni-kov Ufy) // Ufimskij nekropol' / Sost. i otv. red. M.I.Rodnov. SPb.: OOO «Svoe izdatel'stvo», 2015. S. 79-88.
- Il'f I.A., Petrov E.P. Dvenadcat' stul'ev; Zolotoj telenok. Kazan': Tatknigoizdat, 1990. 639 s.
- Instrukcija o porjadke pohoron i sodержanii kladbishh v RSFSR. Utverzhdena Pri-kazom Ministerstva zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva RSFSR ot 12 janvarja 1979 g. № 25 // Informacionno-pravovoj portal «BestPravo». URL: <http://bestpravo.ru/sssr/gn-gosudarstvo/s2a/index.htm>.
- Instrukcija Postojannoju komissii pri Prezidiume VCIK po voprosu kul'tov «O porjadke ustrojstva, zakrytija i likvidacii kladbishh i o porjadke snosa nadmo-gil'nyh pamjatnikov». 16 oktjabrja 1931 g. // Centr drevnerusskoj duhovnoj kul'tury «Staraja Rus'». URL:http://cdk.ru/gos_i_religia/history/sov-law/043.htm.
- Klempner L., inzh., Nekrasov S. Pervyj krematorij v g. Moskve // Kommunal'noe hozjajstvo. 1927. № 1-2. 20 janvarja. S. 19-27.
- Lavrov F. K otkrytiju Moskovskogo krematorija // Kommunal'noe hozjajstvo. M., 1927. № 11-12, ijun'. S. 3-6.
- Leninu. 21 janvarja 1924. M., 1925. 517 s. + 13 vkl.
- Likvidacija kladbishh v SSSR [Elektronnyj resurs] // Vikipedija. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Likvidacija_kladbishh_v_SSSR.
- Mitnickij L. Mogila Il'icha // Pravda. 1924. 27 janvarja.
- Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan. F. R-1130. Ministerstvo kommunal'nogo hozjajstva TASSR. Op. 1. D. 333. Mesjachnye finansovyje otchety po jeksplu-atacii kladbishh i kvartir. 1925-1926. 239 l.; F. R-1803. Otdel kommunal'nogo hozjajstva Ispolkoma Kazanskogo gorsoveta. D. 235. Mesjachnye otchety o deja-tel'nosti Arskogo kladbishha za 1922, 1923 gg. 155 l.
- Nasha anketa o kremacii // Kommunal'noe hozjajstvo. 1927. № 11-12, ijun'. S. 21-43.
- Nekropol' Spaso-Andronikova monastyrja // Baza znaniy «Allbest.ru». URL: http://knowledge.allbest.ru/religion/2c0a65625a3bd78b5c43b89521206d26_2.html.
- Nekropol' u Kremlevskoj steny // http://ru.wikipedia.org/wiki/Nekropol'_u_Kremlevskoj_steny.
- Panteon (Moskva) // URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Panteon_\(Moskva\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Panteon_(Moskva)).
- Pravila № 198/B/197/mv Narodnogo komissariata vnutrennih del i Narodnogo komissariata zdavoohraneniya «Ob ustrojstve kladbishh i porjadke pogrebenija» 7/11 ijunja 1929 g. // Bjujleten' NKVD. 1929. № 23-24. S. 458-462.
- Rabochaja Moskva. Jekstrennyj vypusk. 1924. 22 janvarja.
- Rodnov M.I. Ufimskij nekropol' // Ufimskij nekropol' / Sost. i otv. red. M.I. Rodnov. SPb.: OOO «Svoe izdatel'stvo», 2015. S. 5-70.
- Rolf M. Sovetskie massovyje prazdniki. M.: ROSSPJeN; Fond Pervogio Prezi-denta Rossii B.N. El'cina, 2009. 439 s.
- Sanitarnye pravila ustrojstva i sodержanija kladbishh. Utverzhdeny Glavnym gosudarstvennym sanitarnym inspektorom SSSR 1 nojabrja 1960 g. [Elektronnyj resurs]

- // Информационно-правовой портал «BestPravo». URL: <http://bestpravo.ru/sss/eh-pravo/mlw.htm>.
- Sanitarnye pravila ustrojstva i sodержaniya kladbishh. Utverzheny Zamestitelem Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha SSSR 10 fevralja 1977 g. // Информационно-правовой портал «BestPravo». URL:<http://bestpravo.ru/sss/gn-dokumenty/y3a.htm>.
- Sokolova, Anna. «Nel'zja, nel'zja novyh ljudej horonit' po-staromu!» // Oteche-stvennye zapiski. 2013. № 5 (56). S. 191-209.
- Tajny nacional'noj politiki CK RKP. Chetvertoe soveshhanie CK RKP s otvet-stvennymi rabotnikami nacional'nyh respublik i oblastej v Moskve 9-12 ijunja 1923 g. Moskva. Bjuro sekretariata CK RKP, ijun' 1923. Stenografiche-skij otchet. Vosproizvedeno po tekstu 1-go izdanija. M.: INSAN, 1992. 296 s.
- 1918: kommunisticheskoe reformirovanie po «mogil'noj chasti». Jefir Radio «Svoboda». 26 ijulja 2008 // URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/458731.html>
- Fedynskij V., sanvrach. Kladbishhenskij krizis v Moskve i kremacija // Kommunal'noe hozjajstvo. M., 1926. № 9-10. 25 maja. S. 23-31.
- Fuko M. Drugie prostranstva // Fuko M. Intellekтуалы i vlast': Izbrannye po-liticheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. Ch. 3. Per. s franc. B.M. Skuratova. Pod obshh. red. V.P. Bol'shakova. M.: Praksis, 2006. S. 191-204.
- Hal'nov, chlen sekcii Mossoveta. Kladbishha g. Moskvy // Kommunal'noe hozjajstvo. 1927. № 17-18. Sentjabr'. S. 26-27.
- Hellbek J. Lichnost' i sistema v kontekste stalinizma: popytka pereocenki issle-dovatel'skih podhodov // Krajnosti istorii i krajnosti istorikov: sb. st. / [redkol.: M.K. Gorshkov i dr.]. M.: RNISINP, 1997. S. 195-207.
- Halfin, Igal. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. 474 pp.
- Hellbeck, Jochen. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 448 pp.
- Malyševa S. Der rote Thanatos: Nekrosymbolismus in der sowjetischen Kultur // Jahr-buch für Historische Kommunismusforschung 2015. Berlin: Metropol Verlag, 2015. S. 181-198.
- Merridale, Catherine. Steinerner Nächte. Leiden und Sterben in Russland / Aus dem Englischen von E.Heinemann, K.Schuler und K.Miedler. München: Karl Blessing Verlag, 2001. 543 s.
- Schloegel K. Friedhof Europa. Ein Essay // Nekropolis: Der Friedhof als Ort der Toten und der Lebenden / Hrsg. Norbert Fischer. Stuttgart: Kohlhammer, 2005. S. 253-265.

Мальшова Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры историографии и источниковедения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru, svetatuebingen@mail.ru

Set in stone, set in memory (Re)production of the Soviet identity in the spaces of death

The article analyses the Soviet 'spaces of death' – cemeteries and crematoria as the areas where, in parallel with the 'living spaces', the processes of formation and hybridization of Soviet identity and their contest with competing identities was developed and reflected. Spaces of death are studied as discursive, 'talking', describing the Soviet culture and Soviet society, its social projects and ideas of social structure and hierarchy.

Keywords: Soviet Culture, Identity, Hybrid Identity, History of Death, Funeral Culture.

Svetlana Malyševa, Dr.Sc. (History), Professor. Professor of Department of Historiography and Source Studies, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru, svetatuebingen@mail.ru